

УДК 821.161.3-144:821.111-144:581.9

Ольга Лиденкова (Гомель)

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ БАЛЛАДАХ

Символика цветов и трав в жанре литературной баллады не менее важна, чем другие группы символов. Флористические образы чаще всего становятся важными фоновыми символами, которые позволяют более полно раскрыть характер главных героев либо суть балладного конфликта.

Цветок в рассматриваемом жанре является универсальным обозначением девушки, как, например, в балладе «Радзівіл, альбо заснаванне Вільні» Яна Чечота, в волосах героини которой «Свяцілася кветачка вабна» [3, с. 82]. В финале же сама погибшая девушка лежит «Як звялая кветка ў чыйсьці далоні» [3, с. 83]. Тот же символ использует Василий Жуковский в «Эоловой арфе», рисуя образ гибнущей Минваны: «Уж клонится юный / Главой недоцветшей ко праху цветов» [1, с. 325]. В английских текстах образ цветка практически всегда конкретизируется как «роза» или «лилия». В балладе Самюэля Фергюссона «The Pretty Girl of Loch Dan» появляется «скромная роза из окрестностей Лох Дена» («The Modest Rose above Loch Dan»), у Вальтера Скотта в «Cadyow Castle» — «бледная роза» («a pallid rose»), где бледность — предвестник гибели [12, с. 408]. В балладе Дэвида Малле «Margaret's Ghost» судьба героини представлена через образ распускающегося бутона розы, который источил плодовый червь (символ любовного увлечения): «But love had, like the canker worm / Consum'd her early prime» [11]. Бутон бледнеет и увядает румянец девушки: «The rose grew pale, and left her cheek». За тем следует смерть самой девушки: «She dy'd before her time» [11].

Среди белорусских авторов символику розы-девушки использует Ян Чечот в балладе «Бекеш», а в «Мышанке» автор обращается к образу белой лилии: «чысцюткая згасла лілея», подчеркивая чистоту, безгрешность, невинность героини [3, с. 64]. В балладе Уильяма Вордсворта «The Seven Sisters; or, the Solitude of Binnorie» с практически аналогичным сюжетом, сестры, погибшие в озере, описываются как венок из белых лилий: «A garland, of seven lilies wrought!» [16].

В образах трав, цветов, как и в образах деревьев, отражается их связь с землей, а значит, со смертью и потусторонним миром. Фиалка становится символом ранней преждевременной смерти: «Eleu Iorg» Вальтера Скотта. Генри Еллакомб пишет, что это значение появилось из своего рода сожаления о том, что эти цветы появлялись в самом начале года и не доживали до наступления настоящего лета, поэтому они — «подходящий символ для тех, кто наслаждался лишь яркой весной жизни» [6, с. 312]. В балладе Фергюссона «The Burial of King Cormac» могилу короля покрывают маргаритки: «daisied mead and mound» [7].

Стоит отметить, что английские баллады отличаются, пожалуй, наиболее богатым и разнообразным растительным кодом. Русские и белорусские авторы не придают такого большого значения названиям конкретных видов и достаточно часто ограничиваются просто наиболее общим словом «роща», «цветы», «травы», «кветачка». Если в русской балладе герой может идти просто «меж дерев», в английской балладе, скорее всего автор уточнит, что это были вязы или ивы. В балладе Валерия Брюсова в описании практически райского сада, где живет царевна, поэт просто пишет: «И ветер, весь благоуханный, / Летит в пустыню с цветника» [1, с. 450]. Читателю дается значительная свобода воображения: он может по своему вкусу представить, какие же восхитительные цветы в этом цветнике растут. В балладе Вордсворта «The female vagrant», где упоминается гораздо более скромный сад деревенской девушки, автор подробно останавливается на всем разнообразии представленных там видов, так как растительная символика в английской балладе является очень важным средством характеристики героя: «My garden, stored with pease, and mint, and thyme, / And rose and lily for the sabbath morn, / The sabbath bells, and the delightful chime; <...> The cowslip-gathering at May's dewy prime» [15].

Все перечисленные растения несут определенный смысл. Роза и лилия «для воскресного утра» символизируют красоту, целомудрие и искреннюю веру героини. Горошек, майская примула имеют стойкие фольклорные ассоциации с любовными зельями. Мята и тимьян кроме связи с любовной тематикой, также ассоциируются с Девой Марией (старое народное название мяты — «Our Lady's Herb», а тимьян — «Our Lady's bed-straw») [4, с. 202]. Кроме того, почти все эти травы используются как лекарственные растения, а также символизируют юность, красоту и гостеприимство.

Иногда в тексте баллады намеренно обыгрывается названия трав и цветов. Например, у Джона Гея есть баллада «Sweet William's Farewell to Black-Ey'd Susan: a ballad», где рассказывается о прощании Вильяма с его невестой, черноглазой Сьюзен, образ которой встречается во многих народных песнях. Одновременно, «black-eyed Susan» это название распространенного садового цветка (рода *Rudbeckia*).

В жанре существует типичный сюжетный ход, когда травы рассказывают герою детали совершенного преступления или в них переселяется душа жертвы. Подобный мотив имеет достаточно древние корни в фольклоре многих народов и встречается еще в греческой мифологии. Он появляется в балладе Михаила Лермонтова «Тростник». Его вариант присутствует в балладе Янки Купалы «Рунь». В данном случае через всходы звучит голос предков, которые напоминают герою о совершенном преступлении, а также пророчат ему скорое наказание: «І чуе руні шопат гэткі: / Забіў ты бацьку, каб на рот / Адзін паменшала у хаце, — / Прыйшоў твой сёлета чарод, / Жніва табе не дачакаці!» [2, с. 321].

Общепринятыми для жанра являются образы ржи и пшеницы как символы человека. В балладах Купалы к герою неоднократно применяется сравнение «як сноп жыта». В балладе Скотта «The Battle of Sempach» кровавая битва символически предсказывается в начале произведения, где автор описывает утро перед сражением: пшеничные поля усыпаны тяжелыми каплями росы (символ слез и скорби), и девушки уже приготовили серпы для жатвы: «Twas on a Monday morning then, / The corn was steep'd in dew, / And merry maids had sickles ta'en» [12, с. 419].

Иногда большая часть значения текста основывается именно на цветочной и дендрологической символике, как в балладе Джона Клэра «Meet me in the green glen». Герой назначает свидание в зеленой долине у высокого вяза: «Beside the tall elm-tree», где расцветает шиповник, боярышник и дикий тимьян: «By hawthorn-tree»; «By sweetbriar bushes there»; «Where the wild thyme blossoms fair»; где кротовина и лисьи норы: «foxes' den»; «By the mole-hill swelling there» [5]. Вяз в английской народной культуре — дерево, враждебное человеку, связанное с миром мертвых. Шиповник означает любовь и страдание, боярышник связан с весенними празднованиями (его еще называют «майское дерево»), но и с горем и скорбью, то есть мы получаем общее значение несчастной любви. Веточки тимьяна носили девушки, чтобы привлечь возлюбленного, но тот же тимьян часто высаживали на могилах и он, как и остальные «подземные» образы — крот, лисьи норы — прочно связан с семантикой смерти. Не случайно, того, к кому обращено послание в балладе, просят «спуститься в долину»: «Down in the green glen, / Where we've often met», а встреча назначается на заходе солнца: «Meet me at the sunset / When the west glows like a fire», закатное небо сравнивается с «кровавым ложем»: «God's crimson bed is there» [5]. Автор в данном случае говорит намеками, но можно предположить, что в балладе представлен распространенный в жанре сюжет о судьбе двух возлюбленных, один из которых умер (или был убит, если исходить из характеристики заката). Описанная же долина — место их прежних встреч, где, скорее всего, находится могила одного из героев.

Одним из самых распространенных в английской литературной балладе является образ боярышника, или терновника. Английское название растения «hawthorn» часто сокращается просто до «thorn», поэтому в жанре эти два образа равнозначны. Боярышник часто фигурирует в фантастических балладах, так как входит в фольклорную триаду «дуб — ясень — терновник», которая в кельтской мифологии ассоциировалась с дверью в иные миры. Это поверье использует, например, Скотт в «Alice Brand». Роберт Саути в балладе «The Well of St. Keyne» когда описывает колодец с чудесной водой, который окружают дуб, ясень и вяз: «An oak and an elm-tree stand beside, / And behind doth an ash-tree grow» [14]. Здесь фигурирует и вяз — дерево, связанное со снами и подземным миром. Боярышник также является «кустарником фей», «faigy

bush». Если герой баллад слишком близко приближается к нему, он становится жертвой похищения или сам невольно попадает в волшебную реальность: «The Fairy Thorn» Фегрюссона. Известный герой народных английских баллад Томас Лермонт, к образу которого обращались затем в своих балладах Вальтер Скотт, Редьярд Киплинг, Джон Дэвидсон и другие поэты, встречает королеву эльфов у куста боярышника, известного как «Eildon tree» [9, с. 69]. Это дерево появляется в балладе Скотта «The Eve of St. John». Под ним похоронен убитый рыцарь, дух которого возвращается на землю, чтобы посетить своего убийцу и его жену. Здесь боярышник выступает в привычной функции: открывает дверь между мирами. В еще одной балладе Скотта «William and Helen», которую он сам определил как имитацию «Леноры» Готфрида Бюргера, боярышник появляется в сцене беседы пока еще ничего не подозревающей героини с женихом-призраком, словно намек на истинную природу героя: «Chill howls through hawthorn bush the wind: — / My love is deadly cold» [12, с. 417]. В балладе «The Wild Huntsman» из спутанного куста боярышника появляется белый олень, посланник из потустороннего мира: «Up springs, from yonder tangled thorn, / A stag more white than mountain snow» [12, с. 415].

Кроме подобных мистических ассоциаций боярышник, или терн, также символизирует горе и страдания: баллады «The Thorn» Вордсворта, «Ye flowery banks» Роберта Бернса и другие. Вполне вероятно, что определенную роль здесь сыграли не только свойства самого растения и фольклор, но и христианская традиция, связывающая его с терновым венцом Христа. В еще одной балладе Вордсворта «Ellen Irwin, or the Braes of Kirtle» из-за зарослей терновника герой наблюдает за девушкой и своим более удачливым соперником: «The Gordon, couch'd behind a thorn, / Sees them and their caressing» [16]. Практически та же сцена воспроизводится в балладе Малле «Edwin and Emma»: «Deny'd her sight, he oft behind / The spreading hawthorn slept» [10]. В балладе Скотта «The Rover's adieu» говорится, что судьба героини — украшать себя венком из терновника и пить вино из руты: «To pull the thorn thy brow to braid, / And press the rue for wine» [13]. Рута, которая, наравне с полынью, является одной из самых горьких на вкус трав, — еще один распространенный образ, символизирующий раскаяние, сожаление и скорбь. Ее английское название «rue» полностью совпадает с глаголом «to rue» — «раскаиваться», «горевать».

Таким образом, английские поэты гораздо больше полагаются на язык растений в развитии сюжета и раскрытии внутреннего состояния и характера героя. Можно сделать вывод, что эта группа символов в большой степени обусловлена фольклором, мифологией и религией конкретного народа. В то время как часть из этих образов (цветок, роза, лилия) являются универсальными для жанра, ряд флористических символов оказывается характерен лишь для текстов определенной культурной традиции, знание которой в данном случае необходимо для адекватного и полного понимания заключенной в балладе идеи.

Литература:

1. Воздушный корабль: Литературные баллады / [сост. А. Г. Мурик, А. В. Парина]. — М.: Правда, 1986. — 480 с.
2. Купала Я. Вершы. Паэмы. П'есы / Янка Купала [прадм. У. Гніламёдава]. — Мінск: Харвест, 2007. — 704 с. — (Бібліятэка Саюза пісьменнікаў Беларусі).
3. Чачот Я. Наваградскі замак: Творы / Я. Чачот. — Мн.: Вышэйшая школа, 1989. — 204 с.
4. Asala J. Celtic Folklore Cooking / Joanne Asala. — Llewellyn Worldwide, 1998. — 375 p.
5. Clare J. Meet me in the green glen. [Electronic resource] / John Clare. — 2011. — Mode of access: <http://www.fullbooks.com/Poems-Chiefly-From-Manuscript4.html>
6. Ellacombe H.N. The Plant-Lore and Garden-Craft of Shakespeare (1884) / Henry N Ellacombe. — Kessinger Publishing, LLC, 2007. — 456 p.
7. Fergusson S. The Burial of King Cormac. [Electronic resource] / Samuel Fergusson. — 2011. — Mode of access: <http://reviewingthenotes.blogspot.com/2011/01/death-of-king-cormac.html>.
8. Fergusson S. The Pretty Girl of Loch Dan. [Electronic resource] / Samuel Fergusson. — 2011. — Mode of access: www.loughdan.ie/pages/prettygirl.html.
9. Henderson L. Scottish fairy belief: a history / Lizanne Henderson, Edward J. Cowan. — Dundurn Press Ltd., 2001— 242 p.
10. Mallet D. Edwin and Emma [Electronic resource] / David Mallet. — 2011. — Mode of access: <http://www.archive.org/details/edwinemma00malliala>.
11. Mallet D. Margaret's ghost. [Electronic resource] / David Mallet. — 2011. — Mode of access: <http://www.poemhunter.com/poem/margaret-s-ghost/>

12. Scott W. The poetical works of Sir Walter Scott : with a sketch of his life. / Sir Walter Scott, J. W. Lake. — J. Crissy, 1838. — 443 p.
13. Scott W. The Rover's Adieu [Electronic resource] / Sir Walter Scott // The Oxford Book of English Verse : 1250–1900. — Arthur Quiller-Couch, ed. 1919. — 2011. — Mode of access : <http://www.bartleby.com/101/546.html>.
14. Southey R. Well of St. Keyne. [Electronic resource] / Robert Southey. — 2011. — Mode of access : <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/1959.html>.
15. Wordsworth W. The female vagrant [Electronic resource] / William Wordsworth. — 2011. — Mode of access : <http://www.readbookonline.net/readOnline/3131/>
16. Wordsworth W. The complete poetical works [Electronic resource] / William Wordsworth. — 2011. — Mode of access : <http://www.bartleby.com/145/wordchrono.html>.

Flower Symbolism in Belarusian and English Literary Ballads

In this article flower and herbal symbolism of literary ballads is analyzed in a comparative aspect. Plant artistry is seen as an essential part of ballads' allegorical, symbolical and anagogical meaning, and it is interpreted depending on the context and folklore of a given country. Parallels are drawn between the ballad texts written around the turn of the centuries.

УДК 821.161.2-3Стороженко 09+82.091

Христина Венгринюк (Чернівці)

МАРГІНАЛЬНЕ / ЦЕНТРАЛЬНЕ У ТВОРАХ ЕДГАРА АЛЛАНА ПО «ЛЮДИНА БЕЗ ДИХАННЯ» ТА ОЛЕКСИ СТОРОЖЕНКА «ВУСИ»

«Хочеться бути цілим — дозволь собі розділитися. / Хочеться бути прямим — дозволь собі вигнутися. / Хочеться бути наповненим — дозволь собі пустку. / Хочеться воскреснути — дозволь собі померти. / Хочеш отримати все — відмовся від всього» [1, с. 3]. Це епіграф Станіслава Гуріна до книги «Маргінальна антропологія», який можна продовжити так: «Хочеш бути центром — вийди на маргінес».

Маргінальність як категорія (маргінали, маргінальні стани, маргінальна трансформація) не випадково цікавить науковців різних сфер. На сучасному виткові розвитку гуманітарних та суспільних наук феномен маргінальності потребує нової інтерпретації цього поняття. Явище маргінальності існувало завжди, але його словесно означили лише тоді, коли в той чи той топографічний центр почали приходити вихідці з географічних периферій. Місцеві мешканці не приймали емігрантів і психологічно нівелювали їх, витворюючи опозиційну пару, в якій центром були вони, а «гостей» вважали «чужими». З часом поняття маргінального перестало асоціюватися з емігрантами, а прижилося на означення до соціальних меншин: диваків, божевільних, алкоголіків, наркоманів, повій, митців.

Наприкінці ХХ — на початку ХХІ століть маргінальність як явище літературознавчого дискурсу почало набувати резонансного розголосу. Але й досі існує поверхневе сприйняття цієї проблеми, хоча вона дедалі частіше набуває екзистенційного та онтологічно-діалектичного потрактування. Не випадково нею особливо цікавилися деконструктивісти. Глибше дослідження цієї проблеми вимагає достатньо часу на визрівання й народження нових підходів до інтерпретації позицій маргінальне як центральне та центральне як маргінальне, а також опозиції маргінального / центрального. Літературознавство, досліджуючи центр та маргінес, не може обійтися без аналізу художніх текстів, бо лише на їхніх прикладах можна розглянути всі аспекти цього поняття. Завдання нашого дослідження полягає в тому, щоб на практиці представити центр та маргінес, проаналізувавши зразки малої прози. Продемонструємо рух об'єкта центральної території, який ніколи не був помічений на своїй площині, і його справжню